

շահ առաջինը, որը մահացել է 1261 թ., հաղիվ
թե հնարավորություն ունենար այս նոր գրված
հարկը վերաշենել, հետևաբար ավելի հավանա-
կան է, որ այս հարկի վերացումը զուգահեյվի
Շահնշահ Բ-ի տիրապետության շրջանին՝ XIII
դարի վերջին կամ ավելի շուտ XIV դարի սկզբ-
ին, երբ մոնղոլական տիրապետությունը իր

թուլացման շրջանն էր ապրում։ Այդպիսի մի
փաստի հանդիպում ենք Հոփսիմեի արձանա-
գրությունում, որը գրված է 1296 թ.։ Այլ հար-
կերի հետ միասին Շահնշահը գեղել է նաև շահ-
նայի օգտին զանազան բամբակի հարկը⁹։

Կ. ԱՍԱՏՐՅԱՆ

АРХИТЕКТУРА АРМЯНСКИХ НАДГРОБНЫХ ПАМЯТНИКОВ В КИШИНЕВЕ

На бывшем армянском кладбище в Кишиневе сохранилось несколько де-
сятков надгробных памятников XIX века. Как свидетельствуют надписи, переселив-
шиеся сюда армяне были коренными жи-
телями различных городов и местностей
Армении — Тигранакерта, Акуяна и др.
(рис. 1).*

Внимательное и комплексное изучение
некоторых памятников позволяет попол-
нить историю материальной культуры за-
рубежных армян новыми интересными дан-
ными, а также проследить степень взаимо-
связи и взаимовлияния местных культурных
традиций с традициями армян, поселивших-
ся на этой благодатной земле.

Надгробные памятники представляют
собой каменные плиты из местного раку-
шечника серого цвета, высотой примерно
в человеческий рост. Редко встречается

белый мрамор. Плиты имеют в большин-
стве случаев вытянутую прямоугольную
форму, иногда расширяющуюся к верху.
Они устанавливались вертикально у за-

ՀՈՒԱՍՏԵԱՆՅՐ. ԻՄ ԱՆ ԾԻՆ
ՉՈՐԴԻՍ ԸՆԿԱԼ. Ի ԾՈՅ ՔՈ ՅԻՆ
ՉԻ ՉԻՍ ԲԱԺԻՆ. ԻՄ ՅԱՐՈՅ ՉԻՆ
ՏԱՅԵՍ ԱՆԴՐԷՆ. ՅՕՐՆ. ՎԵՐ ՉԻՆ
ՏԻԳՐԱՆԱԿԵՐՏ. ԻՄ ՀԱՅՐԵ ՄՍ
ԱՆՏՈՆ ԱԻԱԳ ԲԱՀԱՅՅ ԻՍ
ՔԻԼՆԵԻ ԲԱԿԱՐՆ. ԵՂԵԻ ՉԱ ԴԻՍ
ՈՐ ԸՆԿԱԼԱ. ԴԱԿ ԿԱՐ ԳԻՍ
ԱՔ ԻՍ ԿԵԱՅ. ԼԻԻ ՅԻ ՍՈՒՆ
ՎՃԱԷԱԴ. ՅԱՅՍ ԱՆՅՈՒԿ ՏՈՆ
ՈՅՔ ԷՔ ԲԱԴՔ. ԵԻ ԲԱՐԵ ՄՈՅՆ
ՏՈՒՔ ԻՆՁ ԲԱՆԻ. ՉՈՂՈՐՄՈՒԹԻՆ
ՓՐԱՉԻՆ ՄԵՐՈՅ ԹԵԱԿԱՆ. 1827-ՆԻ
ԵԻ ՅԱՍԵԱՆ. ԱՐՏԻ. ՏԱՍԵ ԵՐԵԻ
ԵՉԻՆԻ ՍՈՅՆ. ԳԵՐԵՋՄԱ ՆԻ

Рис. 1.

падного конца могилы (рис. 2). Над мо-
гилой в горизонтальном положении уста-
навливалась плита такой же формы. На
лицевой ее поверхности изображались,
кроме креста, некоторые из тех элементов,
которые предусмотрены евангелием и ста-
ли обязательными для христианского ми-
ра еще с V века (померкшие небесные
светила в виде астрономических изобра-
жений, Голгофа в виде скалы или про-

* Արձանագրության վերծանությունը (ըստ
Կ. Ղաֆադարյանի)։

«Հոգապատեան մայր իմ նախ(ա)ծին
յորդիս րնկալ ի ծոց քոյրս,
յի էիս բաժին իմ Յարուցին
տացես անդրէն յօրն վերջին,
ճիգրանակերտ իմ հայրենիս,
Անտոն աւագ քաւանայիս
Քիշնեւ քաղաքն եղև դար-դիս
որ րնկալա պ(ս)ակ զարդիս,
Ամբ իմ կենաց լրիւ լիսուն
Վճարէ առ յայս անձուկ տուն,
Ոյք եք բարիք և բարեմոյն,
տուր բոճ բանիւ զողորմութիւն,
Փրկչին մերոյ թաւականի 1827-նի,
և յաստեանն մարտի տասներեքի
եղին ի սուն զերեզմանես։

9 Կ. Վաստանյան, Վիճական տարեգիր,
Ս. Պետերբուրգ, 1913, էջ 138։

стого возвышения, внутри которой изображен череп — Адамова голова, иногда с двумя накрест лежащими под ними костями). На некоторых надгробных памятниках вместо возвышения под крестом имеется чаша, предназначавшаяся для сбора капель крови распятого, которая обычно

Рис. 2.

прикреплялась под его ногами. Вместе с тем из чаши вырастали большие стилизованные листья, символизирующие, по всей вероятности, древо жизни. Остальная часть надгробной вертикальной плиты использовалась во многих случаях для эпитафии, состоящей из текста на армянском языке и расположенной на плите. Убранство некоторых надгробных памятников представляется в виде самых разнообразных элементов декора. Для обрамления вертикальных плит использовался несложный профиль, а также плоскостной геометрический орнамент в виде переплетения двух волнообразных лент (рис. 3). В отдельных случаях встречается арочное завершение прямоугольной плиты (рис. 5). Кроме того, на ее верхней горизонтальной части изображался рисунок каймы занавеса. Среди других элементов декора можно видеть также вазы со стилизованными цветами, розетки, грозди винограда, изображения домов, церквей и т. д.

Из сохранившихся надгробных памятников, на наш взгляд, наибольший интерес представляют четыре, относящиеся к началу XIX века. Они позволяют выявить отличие между ними и упомянутыми выше памятниками и в то же время установить подход прошлого армянина к решению задач, вытекающих из не совсем знакомых ему традиций. Характерно для композиционной структуры этих памятников исключение креста с полукруглым основанием и то, что на них не изображаются основные атрибуты культа и декора, а также эпитафия, которые наличествуют на остальных надгробных плитах. Кроме того, на них отсутствует дифференциация между отдельными частями композиции памятника. Все это обусловлено известными традициями. Дело в том, что на обработанных плитах каменотес больше места уделил изображению креста, как это он видел на хачкарах Армении. Однако влияние местных традиций все же прослеживается. Прежде всего это сказывается в том, что в верхней части памятника, с правой и левой стороны креста,

Рис. 3.

изображены померкшие небесные светила. Если допустить, что все они выполнены одним мастером, то можно видеть, как на протяжении девяти лет (с 1818 по 1827 г.)

менялся его подход к выполнению подобных заказов. Постепенно стало традицией изображать на надгробных памятниках атрибуты культа, обязательные для подобных памятников. Согласно монограмме, оставленной на случайных местах лицевой поверхности плиты, в состав которой входят три армянские буквы: Գ, Է, Վ, можно предположить, что имя мастера было «Кеворк», а может быть, «Левон».

Рис. 4.

В Армении возводились памятники-хачкары, отличавшиеся высоким мастерством их архитектурно-художественной трактовки. В этом отношении заслуживают особого внимания хачкары XIII века. Менее примечательны надгробные памятники раннего периода, например хачкары в Двине (V в.), Санаине (X—XI вв.) и др¹. Много общего с памятниками Кишинева имеет хачкар в Текоре, датированный X веком². Рисунок креста занимает

¹ См. О. Х. Халпахчьян. Армяно-русские культурные отношения и их отражения в архитектуре, Ереван, 1957, рис. 3, А. Б.

² См. Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры (на арм. яз.), Ереван, 1948, т. II, стр. 156, рис. 125.

почти половину высоты и площади плиты. В верхней части креста, по всей вероятности, выгравирована дата смерти, а в нижней — эпитафия из нескольких рядов слов. В памятниках позднего времени (XIII в.) для эпитафии отводится незначительное место, а иногда она вовсе отсутствует.

Интересно сопоставить некоторые архитектурно-декоративные особенности, характерные для зодчества Армении, Грузии и стран Балканского полуострова, с памятниками бывшего армянского кладбища в Кишиневе.

Рис. 5.

На хачкарах Армении, за исключением богато орнаментированного креста, иногда с полукруглым, круглым или ступенчатым основанием и с окружающим его поле геометрическим и растительным орнаментом, отсутствуют почти все вышеупомянутые атрибуты евангелия. На территории Ахпатского монастыря сохранился хачкар XIII века³, на котором крест занимает центральное положение по всей его поверхности. Высота креста составляет

³ См. Т. Тораманян. Материалы по истории армянской архитектуры (на арм. яз.), Ереван, 1942, т. I, стр. 102, рис. 47.

больше половины общей высоты самой плиты хачкара. Вместе с тем в Армении кресты на хачкарах плоские, они отличаются от крестов кишиневских надгробных памятников, имевших укороченно-составной рисунок с обрамлением ветвей креста или завершением их колпакообразным мотивом. Ступенчатое основание креста было распространено в Армении (Ани), еще в X веке⁴, в Грузии⁵ и Греции⁶. Как уже упоминалось, убранства надгробных памятников Кишинева представлены в виде геометрического орнамента-плетня. На хачкарах же XIII века выполнены сложные рисунки геометрического орнамента, покрывающие всю площадь хачкара, а иногда и его пьедестал. Элемент плетня в одну нитку, как известно, уходит в глубокую древность и обнаруживается в искусстве Востока и Запада. Плетеный орнамент находим на культовых сооружениях Армении VII в. и последующего периода (Кармравор-Аштарак, Егвард и др.), в Грузии—на памятниках X—XIV вв. (Кумурдо, Атени, Дманис и др)⁷. В научном мире этот мотив известен как мотив ломбардского или ломбардо-далматинского происхождения. Однако, как справедливо отмечает румынский искусствовед В. Вэтэшняу, он давно вышел из трактовки архитектурно-орнаментального искусства. Подобные мотивы, встречающиеся на румынских надгробных плитах, несомненно, имеют восточное происхождение⁸. Этот же декоративный мотив можно видеть на различных деталях архитектуры и объектов церковей XII—XIV вв. в Болгарии⁹. В от-

личие от стран юго-востока Европы, в армянском зодчестве он использован в самых разнообразных сочетаниях как элемент обрамления хачкаров, а в том виде, какой имеется на кишиневских надгробных плитах,— на крестном камне, уложенном в стене притвора церкви Григория в Кечарисе (XIII в.). Этот же мотив изображен на могильной плите в деревне Ацарат Нор-Баязетского района (XVII в.)¹⁰. Украшение каймой верхней части плиты кишиневских памятников напоминает тот же мотив средневековой архитектуры Армении, который, в частности, украшает вход в окно малой церкви Гошаванка, или Нор-Гетика¹¹, хачкары Амагу-Нораванка¹² и Мрена¹³. Стилизованные листья, вырастающие из чаши, над которой установлен крест, отличаются от тех, которые изображены на хачкарах Армении. Однако, несмотря на их видоизменение, все же на одной из них наглядно вырисован облик родственных им листьев хачкаров Армении. Ваза с цветами, как декоративный мотив в армянской архитектуре средневекового периода, возможно, встречается, но мало.

Практика изображения меток или монограмм известна как в исторической Армении (Дзин¹⁴, Звартноц и Талин¹⁵ Си-

⁹ См. М. П. Цапенко. Архитектура Болгарии, М., 1953, стр. 130.

¹⁰ См. С. Г. Бархударян, Г. Х. Караханян. Армянские надгробные памятники и их орнаменты (на арм. яз.), «Историко-филологический журнал», 1959, № 4, рис. 6.

¹¹ См. В. М. Арутюнян, С. А. Сафарян. Памятники армянского зодчества, М., 1951, табл. 131, 132, 133.

¹² См. О. Егназарян. Памятники культуры Азизбековского района, Ереван, 1955, табл. 14.

¹³ См. Т. Тораманян. Указ. соч., т. I, стр. 102, рис. 48.

¹⁴ См. В. М. Арутюнян. Двин (на арм. яз.), Ереван, 1950, стр. 18.

¹⁵ См. Т. Тораманян. Указ. соч., т. I, стр. 269, рис. 169; т. II, стр. 173, рис. 155.

⁴ См. И. А. Орбели. Избранные труды. Колокол с анийскими орнаментальными мотивами XII—XIII вв., Ереван, 1963, стр. 182.

⁵ См. Ш. Я. Амиранашвили. История грузинского искусства, М., стр. 300, рис. 55; Р. О. Шмерлинг. Грузинский архитектурный орнамент, Тбилиси, 1954.

⁶ См. G. Millet, L'école grèque dans l'architecture byzantine, Paris, 1916, стр. 195, фиг. 97.

⁷ См. Р. О. Шмерлинг. Указ. соч.

⁸ См. V. Vataslanu, Istoria artei feudale in Tarile Romine, Bucuresti, 1959, стр. 178.

снан¹⁶, Птгн), так и за ее пределами¹⁷.

Из сопоставления архитектурно-композиционной структуры кишиневских надгробных памятников с отдельными частя-

¹⁶ См. А. Л. Я ко б с о н. Очерк по истории зодчества Армении V—XVII вв., М.—Л., 1950, стр. II, рис. I.

¹⁷ См. О. Х. Х а л п а х ч ь я н. Указ. соч., рис. 4.

ми архитектурного декора различных христианских памятников Армении, Грузии и юго-востока Европы можно заключить, что прообразом кишиневских памятников послужили хачкары Армении. Однако, в силу местных условий и традиций, этот прообраз видоизменился и получил новый архитектурно-художественный облик.

А. ТОРАМАНЯН (Кишинев)